

24.04.91

К 150-летию со дня гибели
М. Ю. Лермонтова

А ОН — МЯТЕЖНЫЙ!

Работа в трибуна. - 1991 - 27 июля

На недавно прошедшей выставке общественного комитета «Попковские премии» экспонировалась работа известного московского художника Ливия Щипачева «Поэт», получившая первую премию. Вы видите ее на снимке: это портрет Михаила Юрьевича Лермонтова. Даже несовершенная газетная репродукция дает возможность понять: картина не заурядна. В портрете, исполненном высокого трагизма, соединились судьба великого поэта и судьба столь любимой им России.

— Я пишу Лермонтова уже около двадцати лет, — рассказывает Ливий Степанович. — Первая моя работа — «Лермонтов в Тамани» — хранится сейчас в Тарханах. Незатейливая картина — вечер, лодочка плывет, Лермонтов в шинели — объединила мою любовь к поэту и к Тамани, куда уже много лет подряд я езжу. Затем я сделал еще портрет Лермонтова, но уничтожил: что-то тогда не нравилось мне в нем. Сейчас, правда, жалею... Потому еще один — он в частном собрании. Затем картину «Перед дуэлью». Здесь я пытался передать состояние человека, который завтра обречен погибнуть и знает об этом.

Лермонтов всегда предчувствовал свою гибель. Мало того, он как бы провоцировал судьбу, не раз описывая свою смерть в стихах, а подчас и в жизни создавая ситуации, исход которых мог быть роковым... В картине, мне кажется, удалось передать вот это смятение человека, который буд-то заглянул в чашу, где отразилась его судьба.

Это же настроение пытался

я передать в последней работе «Поэт». Но напряженность, которая наметилась в картине «Перед дуэлью», на мой взгляд, здесь еще усиливается. Если попытаться подобрать ей словесный эквивалент, то лучше лермонтовского «мятежный» не сыщешь. И заметьте: не каждый художник может писать Лермонтова. Тут нужен сходный склад характера, сходное — в известном приближении, конечно, — ощущение жизни. Это редко бывает. Смотрите, как много художников занято светлым образом Пушкина. А Лермонтова мало кто пишет. Здесь особое нужно настроение.

Это, кстати, и объясняет, почему я все время возвращаюсь к Лермонтову. Меня властно влечет его тайна — тайна личности и судьбы, не разгаданная даже сейчас, когда до тонкости исследован каждый день его жизни. Но эта же тайна неизменно услож-

няет работу над образом поэта.

Никто не знает, какой он был. Даже в описаниях современников он, всегда иной. Возьмите портреты, которые до нас дошли: везде это разные люди, только одно объединяет их — глаза, большие выразительные глаза. Лермонтов — человек, меняющийся в каждый миг своего бытия. У него не было застывшей маски на лице, что, увы, так отличает людей ординарных.

Вот почему, когда я пишу Лермонтова, то не сходства ищу, а настроение: его я стараюсь написать. И каждый раз оно оказывается другим, что и видно в моих работах. Это движение души — и я рад этому! — пока не ослабевает. Я еще хочу и надеюсь вернуться к образу Лермонтова. Что-то, мне кажется, я еще недоговорил...

Ирина МЕДВЕДЕВА.
МОСКВА.



сер. 19. Лермонтов